

УДК 82-2:792(571.16)

Д. А. Олицкая

Томский государственный университет

**Драматургия А. П. Чехова на томской сцене
конца XIX – начала XX века ***

Статья посвящена изучению рецепции пьес А. П. Чехова в томском театре рубежа XIX–XX вв. Исследование проводится на материале театральных рецензий, опубликованных в газетах «Сибирский вестник» и «Сибирская жизнь» в период с 1889 по 1909 г. Определяется место чеховских пьес («Иванов», «Чайка», «Дядя Ваня», «Вишневый сад») в репертуаре томского театра, прослеживается история их постановок, рассматриваются проблемы восприятия драматургии Чехова, с которыми столкнулись местные критики и публика, а также влияние особенностей развития театрального дела в сибирской провинции на рецепцию пьес Чехова в Томске.

Ключевые слова: драматургия А. П. Чехова, томский театр, томская периодика.

В антологии «А. П. Чехов в русской театральной критике» А. П. Кузичева справедливо отмечает, что «воссоздание общей картины восприятия чеховской драматургии, вхождения ее в репертуар и освоения русским театром невозможно без рассмотрения провинциальной театральной критики» [1999, с. 12]. Это утверждение верно уже потому, что на рубеже XIX–XX вв. провинцией, большой или малой, можно было считать собственно всю Россию, кроме Москвы и Петербурга, а значит, провинциальный срез восприятия чеховских пьес имеет действительно большое значение. Отметим, что Томск относился наряду с Тюменью, Омском, Иркутском, Красноярском к наиболее важным сибирским театральным центрам второй половины XIX – начала XX в., так как в этих городах осуществляли свою деятельность стационарные театры. В Томске в 1885 г. был открыт первый в Сибири каменный театр, построенный на средства мецената Е. А. Королева.

Проследить историю восприятия пьес Чехова на томской сцене рубежа веков позволяют местные периодические издания «Сибирский вестник» и «Сибирская жизнь», на страницах которых регулярно публиковались театральные хроники,

* Статья подготовлена при поддержке РГНФ Регион 12-14-70004.

Олицкая Дарья Александровна – кандидат филологических наук, заведующая кафедрой романо-германской филологии Томского государственного университета (пр. Ленина, 34, Томск, 634050, Россия; d.olitskaya@mail.ru)

обзоры и рецензии на спектакли. Такой высокий интерес к театру объяснялся тем, что ведущие журналисты томских газет, среди которых было много ссыльной интеллигенции, видели в театре благодаря его доступности и силе воздействия на зрителя даже более мощное средство просвещения и развития личности, чем в книгах (Сибирская газета, 1882, с. 1225).

Повышенное внимание томской периодики к чеховской теме в 1890-е гг. было связано, прежде всего, с приездом писателя в город [Разумова, 1996, с. 167–180]. К этому времени томичи уже имели возможность познакомиться с первым драматургическим опытом Чехова – пьесой «Иванов». Непосредственные критические отклики на эту и последующие постановки, появившиеся в томской прессе (всего более двадцати за период с 1889 по 1909 г.), позволяют узнать, какое место заняли чеховские пьесы в репертуаре местных театров, с какими проблемами восприятия столкнулись томские зрители и критики, а также о том, как на это восприятие влияли общие особенности развития театрального дела в сибирской провинции.

Томская премьера «Иванова» состоялась 26 декабря 1889 г., спустя два года после общероссийской премьеры в «Русском театре Корша» в Москве (19 ноября 1887 г.) и незадолго до премьерного спектакля в Александринском театре (31 января 1889 г.). В Томске пьеса была поставлена труппой М. М. Крылова, купившего антрепризу Королёвского театра. Провинциальная специфика восприятия проявилась уже в общей реакции томичей, которая была прямо противоположна реакции столичной публики. Последнюю описал в одном из своих писем брату сам Чехов: «На первом представлении было такое возбуждение в публике и за сценой, какого отродясь не видел суфлер, служивший в театре 32 года». М. П. Чехов также вспоминал: «Публика вскакивала со своих мест, одни аплодировали, другие шикали и громко свистели, третьи топали ногами» [Вокруг Чехова..., 1960, с. 187–188]. Томский же зритель, как отметил критик «Сибирского вестника», подписавшийся «П.», хоть и «остался мало доволен знакомством с чеховским произведением», но «постеснялся выразить это открыто» (Сибирский вестник, 1901, № 93, с. 3).

Через три дня после спектакля отклик на томскую премьеру «Иванова» дал Вс. Долгоруков. Потомственный князь, сосланный в Томскую губернию по уголовному делу, он принимал деятельное участие в издании «Сибирского вестника» и являлся постоянным автором рубрики «Театр и музыка». О его непреходящем интересе к театральному искусству свидетельствует псевдоним «Неизменный театральный», которым он часто подписывался в газете.

В рецензии Долгоруков объяснил причину «тихого» недовольства томичей на премьере «Иванова» тем, что пьеса «резко выделяется из массы других, которые публике приходилось видеть на сцене за последние годы» (Сибирский вестник, 1889, № 150, с. 3). Тем самым критик обратился к общей для всех провинциальных театров рубежа XIX–XX вв. проблеме репертуара, продиктованного условиями антрепризы. Он был вынужденно ориентирован на коммерческую выгоду и вкусовые предпочтения зрителей. Обычной практикой являлась также ежедневная смена спектаклей, что не могло не сказываться на их качестве. В частности, если судить по откликам в томских газетах, в год премьеры чеховского «Иванова» в Томске было сыграно не менее 102 спектаклей, при этом, за очень редким исключением, каждый новый спектакль представлял зрителю и новую постановку. Репертуар формировался преимущественно из комедий-шутков, водевилей и фарсов, как правило, переводов-переделок с французского, названия которых красноречиво свидетельствовали об их «содержании» и сомнительных художественных достоинствах: «Угнетенная невинность», «Съехались, перепутались и разъехались», «Вытурил», «Простушка и воспитанная» и т. д. Кроме того, треть репертуара занимал легкий музыкальный жанр, в основном игрались опе-

ретты Ж. Оффенбаха, а также произведения других французских и немецких композиторов (Ш. Лекок, Ф. Эрв, Ф. Зуппе, Р. Планкетт). На фоне такого репертуара для томского зрителя наиболее очевидно проявилась «странность» чеховской пьесы, вызвавшей недоумение и у большинства критиков.

Именно на «необычности» «Иванова», требующей от читателя и зрителя определенной работы мысли, делает акцент в своей рецензии Долгоруков. «Все темное, непонятное, недоговоренное автором, – пишет критик, – должно сложиться в единую картину со всеми деталями, если зритель начнет вдумываться в пьесу. Тогда судьба героев драмы, их действия и мысли восстанут перед вами ясно, отчетливо, и вы видите, сознаете, что они правдивы». «Жизненность» и «правдивость» отмечается рецензентом как самое главное достоинство «Иванова», в то же время Долгоруков интуитивно улавливает наиболее существенный для чеховской драматургии принцип, так называемое «подводное течение».

Общие оценки, данные Долгоруковым Чехову и его пьесе в рецензии, показывают, что томский журналист был хорошо знаком с критическим дискурсом, сложившимся вокруг «Иванова» в центральных изданиях. В частности, обнаруживаются очевидные параллели с мнением авторитетного критика «Московских ведомостей» С. Флерова-Васильева, увидевшего в пьесе одновременно и талантливость, и неопытность Чехова-драматурга. В рецензии, напечатанной в «Московских ведомостях», столичный критик дал следующую характеристику пьесы и ее автора: «Г. Чехов начинающий писатель и совсем еще молодой человек. Это чувствуется уже из самой пьесы. Я не скажу, чтоб это было произведение зрелое. Напротив, в нем много ошибок, ошибок неопытности и неумения. Но оно талантливо» [Флеров-Васильев, 1887]. Этот же снисходительный тон явно звучит в оценках Долгорукова, при этом, возможно из-за влияния столичного авторитета, томский критик так и не сформировал свое окончательное представление о масштабах чеховского таланта. Сначала он называет «Иванова» «серьезной талантливой вещью» и подчеркивает, что «в драме все обличает талантливую руку мастера», но затем все же указывает на неопытность драматурга, проявившуюся в «слабой обрисовке некоторых характеров, растянутости и лишних сценах», в связи с чем заключает, что пьеса все-таки «не грандиозное произведение могучего таланта».

Основное внимание Долгоруков сосредоточил на главном герое пьесы, которого он охарактеризовал как «человека, обладающего болезненной нервной организацией, но полного самых благих светлых стремлений». По мнению рецензента, чеховский герой вызвал недоумение томской публики, так как он «окончательно падает духом в тот момент, когда, казалось бы, все преграды уже разрушились». Сам критик увидел проблему главного героя в отсутствии устоев, Иванов «не имеет под собой почвы» и «не верит в свои силы», а потому его финал вполне закономерен. В трактовке Иванова как личности с болезненным внутренним миром, не находящей больше своего места в обществе, отразилась приверженность Долгорукова к народнической критике, которая еще более очевидна в интерпретации образа Маши: к Иванову ее привязывает «не чувство любви, а идея поднять его, возвать его к жизни» (курсив здесь и далее «Сибирского вестника». – Д. О.).

В заключительной части рецензии Долгоруков дал вполне положительную характеристику актерам томской труппы, следуя при этом уже заявленным ранее критериям оценки пьесы. В частности, он выделил «недюжинный» сценический талант артиста Лавровского, создавшего «жизненного, типического» Иванова. Целый ряд актеров удостоились похвалы критика за простоту и естественность исполнения. В то же время он заметил, что пьеса шла чуть ли не с одной репетиции.

Хотя в рецензии Долгорукова чеховская пьеса получила достаточно одностороннее толкование, так как рассматривалась почти исключительно с точки зрения

ее идейного содержания и актуальности отраженных в ней проблем, она была представлена томскому зрителю как произведение, безусловно, заслуживающее его внимания и понимания. Отметим также, что рецензенту «Сибирского вестника» в целом удалось избежать той резкости суждений, которая была свойственна некоторым откликам на пьесу, опубликованным после ее московской премьеры в центральных журналах.

Во второй раз «Иванов» был показан в томском театре лишь в феврале 1901 г. Отклик на эту постановку, опубликованный в «Сибирском вестнике» № 31 за подписью «W-s-n», значительно отличается от рассмотренной выше рецензии Долгорукова прежде всего своим резким тоном. В нем открыто звучит недовольство мрачностью и «пессимизмом» чеховских пьес, отсутствием в них авторской позиции. «W-s-n» (очевидно, Вейсман) называет Чехова «вдумчивым наблюдателем, который, сам охваченный настроением отравленности тусклой жизни, передает его слушателю добросовестно и одаренно» (Сибирский вестник, 1901, № 31, с. 3). Описывая тягостное впечатление зрителей после спектакля, критик объясняет его прежде всего тем, что томский зритель сам «пережил пустоту провинциальной жизни, эти злосчастные жур-фиксы, где все тоскует и если что дышит, то это: водка, винт и адюльтер». «W-s-n» заключает, что после спектакля зритель покинул театр «растравленным и неудовлетворенным, с ощущением острой боли “безвременья”». «Где же живое, бодрое, в даль глядящее?» – восклицает он, упрекая Чехова в равнодушии к своему зрителю, и сам отвечает на свой вопрос: «Пусто, безысходно, беспросветно».

Соответственно при разборе действующих лиц пьесы рецензент делает основной акцент на их полной нежизнеспособности, подавленности средой: Косых настолько опустылена провинциальная жизнь, что, будучи интеллигентным человеком, он «весь предался комбинациям винта»; Лебедев превратился в алкоголика: Шабельский «тает с проклятьем на устах»; сам же восьмидесятник Иванов – «изношенный, растравленный, банкрот науки, практической деятельности, семейной жизни» – гибнет под гнетом собственных противоречий. Исполнение чеховской пьесы «W-s-n» оценил в целом как весьма удовлетворительное, хотя и здесь констатировал, что к третьему действию артисты уже были утомлены, причиной чему была их «тяжелая ноша» – ежедневный репертуар.

В следующий и последний раз пьеса появилась на томской сцене только в 1905 г. и была сыграна в бенефис актера И. О. Аржанникова. Отклик, данный на спектакль критиком Г. Вяткиным, лишь подчеркивал, что постановка стала не более чем последним отзвуком истории восприятия «Иванова» в Томске. Самой пьесе критик уделил мало внимания, ограничившись лишь упоминанием о том, что это одна из первых и наименее удачных пьес Чехова, которая редко идет как на провинциальных, так и на столичных сценах. Симптоматично в свете уже рассмотренных рецензий также и общее суждение Вяткина о героях чеховской пьесы как о «больных интеллигентных людях, почти неврастениках». Правда, и его Вяткин выносит лишь в связи с неудавшимся исполнением ролей в спектакле, которые оказались не по силам местным актерам, так как не отвечали их сценическим возможностям. «Безусловно типичными» в спектакле он нашел лишь второстепенные образы Боркина (актер Щепкин) и картежника (актер Ветлугин) (Сибирский вестник, 1905, № 17, с. 3).

Еще более очевидными приоритеты критика в оценке чеховской пьесы становятся из заметки, помещенной сразу за рецензией на постановку «Иванова» в том же номере газеты. Вяткин представляет томскому зрителю новую пьесу В. В. Протопопова «Обвиняемая» и отмечает в качестве ее главных достоинств «жизненность содержания» (тема пьесы – эксплуатация женского труда) и «хорошую основную идею». Соотнесение двух заметок наглядно демонстрирует, что в глазах

Вяткина чеховская пьеса, не обладающая необходимой злободневностью и актуальностью, не заслуживала места в репертуаре.

Самой сложной на томской сцене рубежа XIX–XX вв. оказалась судьба чеховской «Чайки». Это единственная пьеса, которая была представлена томскому зрителю со значительным отставанием от столичной премьеры (17 октября 1896 г.), как отметила Н. Е. Разумова, вероятно, по причине неопределенной судьбы этой новаторской пьесы и на столичных сценах [1996, с. 173]. За премьерным спектаклем, показанным томичам 23 декабря 1900 г., других постановок не последовало. Разбор единственного спектакля представил в «Сибирском вестнике» уже упоминавшийся нами критик Вейсман, на этот раз скрывшийся под псевдонимом «W.». Продолжив заданное в рецензии на постановку «Иванова» направление и назвав «Чайку» «безыскусственным вздохом интеллигента, охваченного кошмаром жизни», Вейсман в очередной раз упрекает драматурга в мрачности и с негодованием вопрошает: «Художественно ли это? Если в живописи закон светотеней обязательен, то, несомненно, его можно применить к искусству драматическому. Рисуйте болото, лужу, но пустите туда луч солнца» (Сибирский вестник, 1900, № 285, с. 3). Критик с упорством навязывает зрителю образ Чехова-пессимиста, подчеркивает его общественный индифферентизм: Чехов – «умный наблюдатель, но он не учит, он не дает даже надежды». Именно в этом Вейсман находит и причину неуспеха томской «Чайки». «Все мы, бегущие от кошмара жизни в театр, не нашли в нем просвета. Мы разочарованы и смущены», – пишет он. Исполнители же ролей в спектакле, по словам критика, добросовестно с ними справились.

Громким событием в культурной жизни Томска стала премьера чеховского «Дяди Вани», которая состоялась 22 сентября 1900 г., т. е. спустя всего год после премьеры в Художественном театре (26 октября 1899). Если в столице публика встретила пьесу, по воспоминаниям Эфроса, «не то холодно, не то сдержанно», то в томском театре именно первый спектакль прошел, как сообщил рецензент, подписавшийся «Эховь», с «заметным успехом» (Сибирский вестник, 1900, № 210, с. 3). В «Сибирском вестнике» № 208 премьеру предварял анонс, подготовленный Долгоруковым («Д.»). Отметив, что уже одно имя Чехова, «столь известное всей нашей образованной и читающей публике», может рекомендовать пьесу, он охарактеризовал ее как полную глубокого захватывающего интереса, несмотря на отсутствие в ней «какого-либо интересного внешнего содержания и поучительных диалогов». Разделяя в общем мнение предыдущего рецензента о Чехове как об «умном наблюдателе», Долгоруков все-таки не так категоричен и признает, что «на фоне своей глубокой аналитики автор умеет разглядеть жгучую жажду идеала» (Сибирский вестник, 1900, № 208, с. 3).

Успех премьерной постановки «Дяди Вани» в Томске объяснялся прежде всего высоким уровнем мастерства осуществившей ее труппы Каширина и Аярова. Эта парная антреприза вошла в историю российского сценического искусства как один из образцов безукоризненной театральной культуры и не раз получала очень высокую оценку критиков. В Томске труппа Каширина и Аярова проработала два сезона подряд и также была оценена по достоинству. В частности, Долгоруков писал о ней: «<...> после трех спектаклей мы уже имеем некоторые основания утверждать, что труппа Каширина и Аярова по размеру и характеру составляющих ее артистических сил, солидная труппа, далеко оставляющая за собой позади, например, труппу Струйского, игравшую у нас в позапрошлом году. Большинство исполнителей чувствуют себя на сцене как в родной стихии, обнаруживают привычку к ней и относительное понимание ее условий» (Сибирский вестник, 1900, № 208, с. 3).

Рецензия на постановку «Дяди Вани», данная критиком «Эховым» в «Сибирском вестнике», полностью посвящена тонкостям организации и исполнения спектакля. Рецензент отмечает надлежащую подготовку, проведенную труппой,

подчеркивает, что она редко осуществлялась в практике ежедневного репертуара в Томске. Вполне удовлетворительными он находит «общую срепетовку комедии и обстановочную сторону исполнения». Впервые постановка чеховской пьесы осуществлялась силами целостного актерского ансамбля, преодолевшего главную трудность ее исполнения – отсутствие традиционных театральных эффектов. «На этот раз, – писал «Эховь», – все актеры не только знали свои роли, но и дали себе труд их продумать». Особенно он выделил самого г-на Аярова в роли Астрова, создавшего «вполне живое и типическое лицо», г-жу Смирнову, «с большой простотой и естественностью изобразившую ленивую и скучающую Елену Андреевну», и г-на Раковского, который «без всякого утрирования и шаржа провел комическую роль Телегина». Критик также упомянул о сборе от спектакля, который оказался неполным, но удовлетворительным (Сибирский вестник, 1900, № 210, с. 3).

Однако опыт столь удачного сценического воплощения чеховской пьесы, продемонстрированный труппой Каширина и Аярова, которую следует назвать скорее «режиссерской» антрепризой, в томском театре повторить не удалось. Следующая постановка «Дяди Вани», которая прошла в Бесплатной библиотеке 29 марта 1904 г., в год смерти Чехова, оставила у зрителей и рецензента спектакля Вяткина («Г. В-нь») впечатление «не из приятных». Пьеса была представлена кружком актеров-любителей, и игралась, по словам критика, то «деланно», то «бледно». В результате она оказалась близка к провалу, единственным достойным похвалы рецензента актером стал г-н Осипов, «с успехом воссоздавший яркий образ “бедного-бедного” Дяди Вани» (Сибирский вестник, 1904, № 70, с. 3). Но, несмотря на низкий уровень исполнения пьесы, публики в театре было много.

На фоне неудовлетворительного актерского исполнения не просто удачной, а «безукоризненной» критику показала «обстановка» спектакля. В то же время эту безукоризненность он констатирует довольно дежурно, только лишь по наличию звукового оформления, в котором «и птицы в саду пели, и сверчок за печкой трещал, и дождь шумел», но без его соотнесения с остальными составляющими спектакля и смыслом пьесы. В связи с этим становится очевидным, что все усилия создать «обстановку» при отсутствии талантливого исполнения выглядели скорее неудавшейся попыткой подражания столичным образцам.

Еще одна постановка «Дяди Вани» состоялась в Томске 17 января 1908 г. Свой отклик на этот спектакль представил в рубрике «Театр и искусство» «Сибирской газеты» критик «Редриго». С одной стороны, он называет появление чеховской пьесы на сцене общественного собрания отградным на фоне «антихудожественного репертуара», с другой, рецензент отрицает актуальность пьесы для современного репертуара, объясняя это тем, что «жизнь и отражающая ее сцена выдвигают героев силы, борьбы, энергии, а слабые и безвольные герои Чехова уже не удовлетворяют зрителя» (Сибирская жизнь, 1908, № 16, с. 3).

Основным критерием для оценки постановки в рецензии стало прекрасно переданное «чеховское настроение», которое «с первого явления и до последнего не оставляло артистов и зрителя», было исполнено «в мягких полутонах» и не давало «ощущения скуки». Благодаря этому верному тону, а также тщательной постановке «Дядя Ваня», по мнению рецензента, оставил в душе томского зрителя самое хорошее впечатление. Вместе с тем при детальном разборе исполнения он нашел повод для критики целого ряда актеров. Так, слишком симпатичным и жалким вышел профессор в исполнении г-на Старковского. Очень далеким от чеховского получился Вафля (г-н Александровский), в Астрове совершенно пропали перемены настроения (г-н Желябужский), а чеховский облик Сони в исполнении г-жи Амосовой «и вовсе совершенно погиб». Почти безупречным было только исполнение роли самого дяди Вани актером Костромским, который про-

явил в ней «свои лучшие качества – редкую простоту, искренность и добродушие». Оценивая оформление спектакля, критик подчеркнул, что в отношении обстановки было дано все, что только можно дать на провинциальной сцене.

Премьера «Трех сестер» на томской сцене стала самой оперативной по отношению к столичной (31 января 1901 г.) и состоялась в конце апреля 1901 г. Как сообщил критик, скрывшийся под псевдонимом «П.», «четырёхактная новинка, столь шумевшая в минувший сезон в Москве и Петербурге», была поставлена в Королёвском театре. В своем отклике он сделал акцент на явном несоответствии возможностей провинциальной сцены в постановке чеховских пьес тому высокому образцу, каковым являлись постановки Художественного театра. Несмотря на то, что исполнение пьесы, по мнению «П.», не носило характера обычной любительской игры, а спектакль был довольно хорошо отрепетирован «под режиссерством Ю. О. Строговой», он был далек от «полного ансамбля», продемонстрированного в Москве и Петербурге Станиславским (Сибирский вестник, 1901, № 93, с. 3).

Наиболее интересным в данной рецензии является полемическое отношение рецензента к методологии, выработанной относительно чеховских пьес столичной критикой. «П.» сразу заявляет о своем намерении избегать в анализе «модного, но вряд ли достаточно ясного словечка – пьесы настроения», и находит свое оригинальное сравнение. Чеховские пьесы – это «миниатюры акварелей, которые воспроизводят действительность с фотографической верностью, с яркостью всех подлинных красок этой действительности». Оценить такие акварели доступно «только зрителю, способному понять дух времени, доминирующую идею переживаемой нами полосы». «Отсюда, – заключает критик, – и то странное впечатление, которое вынесла *наша* публика от поставленных на *нашей* сцене пьес Чехова». Таким образом, в рецензии в очередной раз прозвучало сомнение не только в возможностях местного театра дать надлежащее сценическое воплощение пьесам Чехова, но и в способности томской публики их осмыслить.

Еще одну постановку «Трех сестер» в томском театре, состоявшуюся 9 января 1903 г. в театре Королева, описал критик И. Ольгин. По его мнению, самой пьесе уже достаточно уделялось внимания на страницах «Сибирского вестника», поэтому рецензия исчерпывалась впечатлениями от игры актеров, представленными однако лишь в самых общих оценках и характеристиках: роли сестер, которые играли актрисы Абарова (Маша), Строгова (Ольга) и Галли-Яновская (Ирина), получились «выдержанными от начала и до конца»; г-н Быстров, изображавший Кулыгина, сумел создать «тип»; актеры, игравшие Вершинина и Соленого были откровенно «плохи»; в роли Наташи появилась «совершенно неопытная артистка» г-жа Донатти, а очень «недурного» Прозорова, сыгранного г-ном Барским, испортил грим. Однако объективность даже таких оценок остается под вопросом, как и то, насколько Ольгин сам был знаком с чеховской пьесой. При разборе ролей он путает фамилию персонажа, называя Тузенбаха Розенбахом. В заключение критик высказал свое сочувствие актерам, которым пришлось играть перед пустыми стульями, так как публики на спектакле почти не было (Сибирский вестник, 1903, № 8, с. 3).

«Вишневый сад» был поставлен в Томске уже в память о Чехове 3 декабря 1904 г. Он был представлен публике гастролирующей группой драматических артистов Петербургских и Московских театров под управлением А. А. Прозорова. Для некоторых томских критиков постановка последней чеховской пьесы стала поводом несколько пересмотреть свое отношение к драматургу, в частности, суждения о его пессимизме и пессимизме его героев. В этом отношении показательны две рецензии на премьеру «Вишневого сада», опубликованные в «Сибирском вестнике». Одна из них принадлежит Вяткину, другая – Вейсману. Оба критика ранее не раз давали свои отклики на постановки пьес Чехова, при этом их выска-

званиям об авторе был в равной степени свойственен достаточно категоричный тон.

Вяткин в назвал последнюю чеховскую пьесу «прекрасной, вдохновенной, трогательной элегией», создающей «настроение грусти», но «грусти прекрасной и светлой» (Сибирский вестник, 1904, № 266, с. 3). Томский критик увидел и «робкое дуновение новой жизни, которое не мог не уловить Чехов своим чутким сердцем». Олицетворением этой новой жизни выступают Трофимов и Аня. Перейдя к разбору спектакля, Вяткин заметил, что пьесы настроения очень сложны для постановки. Труппа Прозорова не справилась с такой задачей, «Вишневый сад» был исполнен «сухо, натянуто», женские образы выглядели «бесцветными», а обстановка не удовлетворяла очень многому. Кроме того, актеры пренебрегали авторскими ремарками.

В рубрике «Настроение дня» «Сибирского вестника» № 267 к премьере «Вишневого сада» обратился и Вейсман. Так же, как и Вяткин, он отметил, что в последней пьесе «чеховские нотки звучат, пожалуй, бодрее, ярче, чем в его прежних пьесах», так как Аня и Трофимов – «носители весьма близкого для них будущего». И если «вишневый сад уже действительно вырублен», а Раневская, Гаев и Симеонов-Пищик «спят в своих могилах», то Аня и Трофимов живы, и вокруг них царит «бодрая жажда жизни». Тем не менее критик определенно дает понять, что Чехов – автор уже прошлой эпохи, а его пьесы настроения не способны дать более, чем «суррогат истинно художественного впечатления от живых образов». Что касается исполнения пьесы приезжей труппой, то Вейсман остался им также недоволен, констатируя, что «гг. артисты не были на высоте комментирования Чехова» (Сибирский вестник, 1904, № 267, с. 3).

Через несколько дней в театре Королёва «Вишневый сад» был сыгран во второй раз той же труппой. Написавшего отклик на этот спектакль Вяткина интересовало прежде всего, насколько актеры учли его замечания о нарушении авторских ремарок, «в большинстве случаев ценных и необходимых» (Сибирский вестник, 1904, № 270, с. 3). Однако они по-прежнему «выбрасывались из пьесы десятками». Кроме того, рецензент подверг критике декорации и костюмы, а также замену ключевого звука лопнувшей струны на звук глухого выстрела. В то же время он отметил, что игра самих «артистов была отчасти лучше».

Таким образом, представленные материалы показывают, что рецепция чеховской драматургии на томской сцене конца XIX – начала XX в. по-разному соотносилась с общероссийской. С одной стороны, почти все пьесы Чехова (за исключением «Чайки») были представлены томской публике силами как профессиональных и любительских местных трупп, так и силами гастролеров с минимальным отставанием от столичных премьер. Это может служить своего рода подтверждением статуса Томска как одного из театральных центров Сибири рубежа веков.

В то же время уровень развития провинциального театра того времени в целом и томского в частности не позволял адекватно воплотить на сцене авторский замысел, что дополнительно усложняло восприятие чеховских пьес публикой. Если в центре на рубеже веков начинает складываться режиссерский театр, в провинции театр остается антрепризным. Отсюда вытекали многие проблемы сценического воплощения пьес Чехова, которые стали «общим местом» в проанализированных театральных рецензиях: невозможность создать актерский ансамбль в рамках антрепризы, общий низкий уровень актерской подготовки и ограниченность возможностей актеров рамками привычных (как правило, комических) амплуа, ненадлежащая подготовка спектакля в целом, отсутствие режиссерского подхода.

Сами рецензии, опубликованные в местных газетах, а точнее представленные в них трактовки чеховских пьес, демонстрируют осведомленность томских критиков о полемике вокруг чеховских пьес в центральных изданиях, в то же время

в них часто обнаруживается и стремление обозначить свой, пусть и необъективный, но «независимый» от столичной критики взгляд.

Список литературы и источников

- Вокруг Чехова. Встречи и впечатления. М., 1960.
Кузичева А. П. А. П. Чехов в русской театральной критике. Комментированная антология. 1887–1917. М., 1999.
Разумова Н. Е. В Томске проездом (А. П. Чехов) // Русские писатели в Томске. Томск, 1996.
Флёров-Васильев С. Театральная хроника // Московские ведомости. 1887. № 323. 23 нояб.
Сибирский вестник. 1889. № 150. 29 дек.
Сибирский вестник. 1890. № 53. 13 мая.
Сибирский вестник. 1892. № 14. 29 нояб.
Сибирский вестник. 1895 № 86. . 26 июля.
Сибирский вестник. 1897. № 39. 16 февр.
Сибирский вестник. 1900. № 208. 22 сент.
Сибирский вестник. 1900. № 210. 24 сент.
Сибирский вестник. 1900. № 285. 30 дек.
Сибирский вестник. 1901. № 31. 8 февр.
Сибирский вестник. 1901. № 93. 1 мая.
Сибирский вестник. 1903. № 8. 11 янв.
Сибирский вестник. 1904. № 70. 24 апр.
Сибирский вестник. 1904. № 266. 7 дек.
Сибирский вестник. 1904. № 267. 8 дек.
Сибирский вестник. 1904. № 270. 11 дек.
Сибирский вестник. 1905. № 17. 22 янв.
Сибирская газета. 1882. № 48. 28 нояб.
Сибирская жизнь. 1908. № 16. 19 янв.

D. A. Olitskaya

A. P. Chekhov's drama in Tomsk in the late XIX – early XX century

The paper is devoted to the reception of Chekhov's plays at the Tomsk theatre in the late XIX – early XX century. The research is conducted on the material of theatre reviews published in the newspapers «Sibirsky Vestnik» and «Sibirskaya Zhizn» from 1889 to 1909. The paper defines the role of Chekhov's plays («Ivanov», «The Seagull», «Uncle Vanya», «The Cherry Orchard») in the repertoire of the Tomsk theatre, traces the history of their performances and considers the problems of perception of Chekhov's plays that the local theatre critics and theatre-goers faced. The paper also discusses the influence of the general features of theatre business development in Siberia on the reception of Chekhov's plays in Tomsk.

Keywords: plays by A. P. Chekhov, Tomsk theatre, Tomsk periodicals.